

Лю Сянсян была самой обычной деревенской женщиной, она была мелочной и любила деньги. Она хорошо относилась к трем детям в семье, кроме старшего сына. Она так относилась к старшему сыну, что даже Тан Эрху, грубый мужчина, чувствовал, что она перегибает палку.

Она также очень заботилась о Тан Эрху, главе семьи. Ночью, лежа в постели, она могла быть нежной и ласковой.

Тан Эрху попытался вспомнить события двадцатилетней давности, когда Лю Сянсян вышла за него замуж. Он смутно помнил, что, когда они еще не разделили хозяйство, его невестка и Лю Сянсян вошли в семью примерно в одно и то же время.

Его невестка забеременела вскоре после того, как вошла в дом, и родила девочку, первого ребенка в семье. Их родители были очень счастливы и говорили, что у их семьи достаточно земли, что хорошо иметь и сыновей, и дочерей, и что в будущем у них наверняка будет еще больше детей.

Тан Эрху думал так же. Иногда большая семья, полная сыновей, означала, что у вас много земли, но до того, как дети становились достаточно взрослыми, чтобы работать в поле, иметь слишком много земли было по-настоящему утомительно.

В следующем году его третий брат женился, и его невестка снова забеременела, но живот Лю Сянсян оставался пустым.

Тан Эрху не спешил, как и его родители. Но Лю Сянсян так волновалась, что не могла ни есть, ни спать. Она даже ездила в город к врачу, потратив много серебра. Через полгода приема лекарств она наконец забеременела.

Лю Сянсян была в восторге. Каждый день она очень бережно относилась к своему животу, делая маленькие шажки при ходьбе и очень аккуратно принимая пищу. Она не ела ничего, что могло бы навредить ребенку.

Он даже пошутил с ней, спросив, кем будет ребенок – девочкой или мальчиком. Лю Сянсян ответила, что, несмотря ни на что, раз это их первый ребенок, она будет любить его.

Но что произошло позже?

Чем больше Тан Эрху думал об этом, тем мрачнее становилось его лицо, а взгляд, устремленный на Лю Сянсян, становился холоднее.

— Я задаю тебе вопрос. Почему ты так плохо относишься к Сьюй-геру? Ты же так с нетерпением ждала его рождения, — сказал он, заметив, что Лю Сянсян ничего не отвечает, и заподозрив, что она что-то от него скрывает.

Тан Эрху медленно постукивал пальцами по ноге и говорил:

— Когда Суй-гер родился... ты родила в доме своей матери. Твоя третья невестка и ты родили с разницей в один день. Мама хотела, чтобы ты вернулась и восстанавливалась после родов дома. Она сказала, что ей не составит труда заботиться о тебе вместе с твоей невесткой. Я пошел за тобой, но твоя мать не позволила тебе уйти. Она сказала, что это доставит слишком много хлопот, и испугалась, что это повлияет на твое здоровье и будущие беременности. Потом она отправила меня обратно домой. Я что-то не так помню?

Лю Сянсян опустила голову, не сказав ни слова.

Ее поведение разожгло гнев Тан Эрху, и ему захотелось снова дать ей пощечину, чтобы вернуть ее к реальности.

— Ты ничего не собираешься говорить, да? Хорошо, тогда больше не беспокойся о Суй-гере. Даже если он заработает денег, не проси их у него! — Тан Эрху знал слабое место Лю Сянсян. Он встал с кана и открыл шкаф, вытащив со дна деревянную коробочку.

Увидев, что Тан Эрху достает коробку, в которой она хранила свои деньги, Лю Сянсян, босая, бросилась выхватывать ее, крича:

— Не трогай мои деньги! Тан Эрху, ты что, с ума сошел? Это деньги, которые я скопила на обучение А-Жуя! Ты не можешь их трогать!

— Если будут деньги, он сможет учиться. Если нет, он сможет вернуться и работать на земле. Я никогда не ходил в школу, но не умер с голоду, — Тан Эрху отмахнулся от ее попыток забрать деньги и открыл маленькую деревянную коробочку.

Увидев внутри мешочки с монетами, он сразу же достал один из них.

— Я отдам это Суй-геру. Он уже взрослый. Завтра я пойду к родителям и попрошу свою невестку и третьего брата найти хорошую семью для Суй-гера. Эти деньги будут его приданым.

Глаза Лю Сянсян покраснели от злости. Она вскочила и стала царапать лицо Тан Эрху, ругаясь:

— Тан Эрху, ты что, больной? Ты отдаешь мои деньги этому ублюдку в качестве приданого. Он этого достоин? Почему деньги на обучение моего сына должны идти на приданое этому уроду? Я уже оказала ему услугу, не продав его старому вдовцу!

Лицо Тан Эрху было поцарапано пару раз, не до крови, но больно.

С разъяренным видом он оттолкнул ее и замахнулся, чтобы ударить по лицу, выкрикивая:

— Бесстыжая женщина! Как ты посмела пытаться продать моего ребенка и распускать руки? Я забью тебя до смерти!

Лю Сянсян вскрикнула от боли и громко зарыдала.

Земляной дом не был звукопроницаемым, а у Лю Сянсян был громкий голос. Ее крики были слышны снаружи. На кухне Тан Сюй размахивал лопаткой, обжаривая свиную грудинку. Тан Ли и Тан Ян с интересом наблюдали за ним.

Все трое слышали крики Лю Сянсян, но никто из них не пошевелился.

Тан Ли не хотела заходить внутрь, боясь, что родители ее отругают. Тан Ян не придавал этому особого значения, так как привык к постоянным крикам и плачам матери.

Если не считать двух женщин из семьи Ван, которые подслушивали шум с другой стороны стены, и еще одного соседа, который жил чуть дальше, никто больше не обращал на это внимания. В конце концов, Лю Сянсян всегда кричала и вопила, и у кого было время постоянно слушать, о чем она кричит? Это всегда были одни и те же старые жалобы и проклятия.

Вскоре в главном доме стало тихо. Тан Ли поджала губы, чувствуя себя немного напуганной, и подошла ближе к печи. Она тихо спросила:

— Старший брат, мне пойти проверить маму?

— Не стоит, — ответил Тан Сюй, доставая из шкафа банку мальтозы и зачерпывая две ложки липкого сиропа в миску, заливая горячей водой. — Просто сиди здесь и пей сироп. Если ты сейчас пойдешь к маме и увидишь ее в таком жалком состоянии, она определенно отругает тебя. Не волнуйся, отец ничего ей не сделает.

Поскольку Лю Сянсян всегда считала каждую копейку, а ее назойливое поведение смущало Тан Эрху перед соседями, он в конце концов стал ее бить. После тройки ударов она стала бояться побоев и поняла, что не может контролировать свой язык, поэтому стала реже бывать в другой части старого дома семьи Тан.

При меньшем количестве посещений, естественно, было меньше побоев.

Но сегодня Тан Эрху снова избил ее, оставив Лю Сянсян с опухшим лицом и красными от слез глазами, с охрипшим горлом, неспособной произнести ни звука.

Тан Эрху мрачно фыркнул, схватил маленький мешочек с деньгами и вышел.

Две женщины, подслушивающие у стены, быстро отпрянули, когда увидели, что он выходит. На их лицах читалось любопытство, но они боялись спрашивать, опасаясь, что навлекут неприятности на своих мужей.

Тан Эрху проигнорировал их и пошел на кухню.

Кухня наполнилась ароматным запахом тушеного мяса. Тан Ли и Тан Ян держали в руках по чашке с сиропом и медленно его потягивали. Тан Сюй высыпал замоченные дикие овощи в большую миску. Подняв глаза, он увидел входящего Тан Эрху.

— Папа, — Тан Сюй оценил выражение его лица и неуверенно спросил: — Все в порядке?

Тан Эрху протянул ему маленький мешочек с деньгами и сказал:

— С этого момента оставляй деньги, которые ты зарабатываешь, себе и не отдавай их матери.

Тан Сюй был ошеломлен. Он не ожидал такого результата.

Немного подумав, он вложил мешочек с деньгами обратно в руку Тан Эрху и улыбнулся, сказав:

— Дядя строит новый дом, а мы не можем ему помочь. Папа, возьми деньги и отдай их дяде. Надеюсь, они не сочтут их слишком незначительными.

Тан Эрху не ожидал, что его сын скажет такие слова. Он был мгновенно тронут и крепко обнял его, похлопав по плечу с облегчением:

— Мой хороший, очень хороший ребенок.

— Дядя и тетя тоже хорошо ко мне относились. Когда я был маленьким, тетя даже готовила мне яйца в сахарной воде, — немного приврал Тан Сюй, выходя из объятий отца. — Папа, не сердись на маму. Постарайся не позволять гневу влиять на твое здоровье. Мама просто слишком любит деньги.

Тан Эрху плотно сжал губы и долго смотрел на Тан Сюя, прежде чем спросить:

— Разве ты ее не ненавидишь?

Тан Сюй был удивлен. Ха?

Тан Эрху взглянул на двух других детей на кухне, затем протянул руку, обнял Тан Сюя за

плечи и вывел его на улицу.

Тан Сюй быстро обернулся:

— А-Ли, вы двое следите за огнем, слабый огонь - это хорошо.

Тан Ли кивнула.

Тан Сюй последовал за Тан Эрху в его комнату и налил две чаши воды.

— Отец, ты хочешь что-то сказать мне? — спросил Тан Сюй.

— Что ж, — Тан Эрху взял чашу и отпил воды, — твоя мать плохо с тобой обращается, ты ведь это знаешь, да?

Тан Сюй кивнул. Сюй-гер был мягкосердечным, но не глупым. Как он мог не знать, хорошо ли к нему относится мать?

— Тогда разве ты не ненавидишь ее? — снова спросил Тан Эрху.

Тан Сюй на мгновение замолчал, затем медленно покачал головой.

Он не упомянул, что с тех пор, как он пришел в этот мир, Лю Сянсян ни разу не обидела его. Вместо этого он всячески доставлял ей неудобства. Сюй-гер не ненавидел Лю Сянсян. Ему было просто грустно. Он чувствовал, что родителям было нелегко его воспитывать. Ругань и побои не были чем-то серьезным, но больше всего его расстраивало то, что он не получал их любви.

Он усадил Тан Эрху и очень серьезно посмотрел на него.

— Отец, я знаю, что мама относится ко мне предвзято. Она ругает и бьет меня, но она же меня и вырастила. Так что я ее не ненавижу. На самом деле я ей очень благодарен. По крайней мере, она не бросила меня и не позволила мне голодать.

В его последней фразе прозвучала личная нотка. Иметь такую мать, как Лю Сянсян, было хуже, чем быть диким ребенком.

Конечно, это был всего лишь его гнев. Быть диким ребенком в ту эпоху было непросто, а вероятность умереть от голода была еще выше.

Глаза Тан Эрху были полны вины.

— Я...

— Отец, прошлое уже позади, давай не будем о нем вспоминать, — перебил его Тан Сюй, криво улыбнувшись. — Если я не нравлюсь матери, то, когда у нас будет свободное время, я найду себе кого-нибудь и выйду замуж, чтобы не доставлять вам хлопот.

Тан Эрху на мгновение был ошеломлен.

Что?

Он может найти кого-нибудь, чтобы выйти замуж?

Как насчет родительских договоренностей и свах?

<http://bllate.org/book/14316/1267359>